

Речевые новации в контексте литературного языка и литературной нормы

Вводные замечания

Вопрос о новациях в коммуникативном пространстве и инновациях в системе языка чрезвычайно важен. Он имеет сущностное и определяющее значение для теоретической лингвистики, компаративистики, для прикладной лингвистики, практической филологии, для лексикографии, для практики языкового преподавания. Речевая новация должна рассматриваться не только сама по себе *per se*, что безусловно важно, но и как проблема языковых изменений, их природы и сущности.

Речевая новация должна рассматриваться как проблема системы языка и феномен языкового развития, как явление языковых изменений в их природе и сущности. Они многофакторны и многокомпонентны. Многофакторными являются имманентные изменения языка. Важна их соотносительность с общественно обусловленными процессами, а в истории конкретной культуры их удельный вес в языке и их соотносительность с общественно обусловленными процессами не является постоянной величиной; в зависимости от разных причин она существенно меняется. Развитие письменности и разностороннее функционирование письменно-литературного языка дает значительный рост общественно детерминированных изменений, в дальнейшем же и эти процессы меняются по своей роли и составляющим компонентам. Необходима оценка языковых изменений в их качествах и конструктивной специфике, важна параметрическая оценка речевых фактов в их качествах и коммуникативной роли.

Основная часть

Как было отмечено выше, речевая новация представляет феномен системы языка и языкового развития, явление языковых изменений. Речевые новации многофакторны в их природе и многокомпонентны в их сущности. Проблема новаций и инноваций обостряется в современную эпоху. Развилась и усилилась коммуникация. В эпоху постиндустриализма и информационных обществ языки переживают немалые изменения. Русский язык пережил и переживает время больших изменений. Судьба изменений различна, и не все новые материалы стали укорененными в системе и узусе. Проблема языковых инноваций обостряется и тем, что к настоящему времени коммуникация интенсифицировалась в целом, что

появились новые виды коммуникации, и эти обстоятельства изменяют пространство языкового функционирования.

Проблема обостряется интенсификацией контактов и взаимодействий разных по природе и функциональности форм национального языка, что имеет лингвистические, культурные и технические основания. В наше время литературный язык подвергается усиленному воздействию других, разнообразных форм языка, что отмечалось и отмечается лингвистикой, ср. (Гофманова, Мюллерова, 1994). Меняется место литературного языка в современной коммуникативной ситуации. Но важно отметить то, что литературный язык по-разному отвечает на эти воздействия. С другой стороны, и они, эти речевые формации изменяются и испытывают воздействие литературного языка. Так изменилось ныне русское просторечие: изменился его лексический облик, где ушли одни слова и пришли в обиход другие, причем большая часть их приходит из литературного языка, в чистом виде либо с теми или иными изменениями; изменения происходят на уровне значений слов; отчасти меняются фонетические показатели просторечия и преобразуются его грамматические характеристики. Изменилась роль и место территориальных диалектов в современной коммуникации. В целом это опять же составляет проблему оценки речевых фактов, их статуса, их формальной и содержательной роли в коммуникации.

Онтологической основой всей проблемы является феномен нормы. Норма имеет несколько сущностных аспектов. Норма языка как механизма общения – объективное явление: это то, те показатели системы, благодаря чему все носители языка друг друга понимают, и она существует в общем независимо от субъективной воли (ср.: Э. Косериу). Норме же литературного языка соответствует лучший языковой материал в своей выразительности и содержательности, отобранный и обработанный выдающимися представителями культуры; это эстетический образец и эталон подражания. Здесь явствен и закономерен эстетический план языкового выражения, однако следует подчеркнуть, что норма литературного языка должна быть приближена к объективной реальности общения и на деле в основной массе составляющих таковую является.

Порой происходит ожесточение языковой нормы в профессиональных кругах, что составляет обратную сторону проблемы языковых новаций. Иногда происходит прямолинейное настаивание на таком языковом факте, который не относится к ядерной части системы. Упомянем для примера давно выдвигаемое в рамках культуры русской речи противопоставление слов «одеть / надеть», которое, однако, уже более столетия не соблюдается мастерами слова и еще менее повседневной практикой общения. Смещение глаголов «надеть» и «одеть» было отмечено еще в первой половине XIX

века, квалифицируясь тогда как провинциализм. Ни давность ошибки, ни ее массовость не давали оснований для того, чтобы оправдать нормативность употребления глагола «одеть» вместо «надеть». Но различие этих глаголов не сохранялось, не сохраняется в современной нормированной речи образованных людей, хотя и создается некоторыми как ее показатель. Лексическое соотношение утратило под собой предметно-логическую оппозицию, так что норматив имеет формальный характер. (Речевое положение доказывается моими наблюдениями над соответствующим словоупотреблением в русской литературе, а также анализом современной речи.)

Смешение таких фактов объясняется рядом причин. Смешение глаголов «одеть» и «надеть» объясняется их внешней, звуковой близостью. Оно объясняется и сходством грамматических особенностей. Оно обусловлено близостью лексических значений. Оно связано с тенденциями аналогии – связано с влиянием возвратной формы глагола «одеться / одеваться», общей для «одеть» и «надеть». По аналогии с выражениями типа *Он оделся и вышел на улицу* или *Одевшись, он вышел на улицу* возникают фразы таких конструкций как: *О д е в пальто, он вышел на улицу; Он о д е л пальто и вышел на улицу.*

Не срабатывает ныне здесь и критерий лексико-семантических связей, вообще важный. Глаголы «одеть» и «надеть» имеют отличия в антонимических противопоставлениях, но имеют и сходства даже в них. Ср.: *одеть – раздеть, надеть – снять, одеть – снять, например: одеть ребенка – раздеть ребенка, надеть ботинки – снять ботинки; одеть ботинки – снять ботинки.* По имеющимся антонимическим парам нелегко запомнить устанавливавшееся как правильное употребление глаголов «одеть» и «надеть».

Возникшее и укorenившееся массовое несоблюдение лексической оппозиции объясняется и таким существенным (анти)фактором, как ограниченность употребления глагола «одеть» в его старом нормативном способе. Сильна ограниченность предметно возможных контекстов: *одеть ребенка / мальчика / девочку* и, совсем редко: *одеть старика / старуху.* Возникла ситуация большого дисбаланса, который также преодолевается общеязыковой практикой. Это и образовавшийся внутрискруктурный дисбаланс в многозначном в слове, в том числе и у слова «надеть».

Расшатывание и отказ от соблюдения оппозиции объясняется и фактором системы. Семантическое соотношение «одеть / надеть» – это отношение каузативности, то есть не самый влиятельный фактор в системе языка в отличие, например, от синонимии и антонимии, а лишь один фактор не может обеспечить надежное функционирование и существование речевой оппозиции.

Подобные процессы и явления не являются формой требований к незамедлительному пересмотру существующих нормативов литературного языка и скорому отказу от них. Здесь необходимо осознавать разные типы норм, существование императивных и факультативных нормативов как они трактуются в разработках культуры речи.

Те или иные решения в речевых процессах являются весьма сложным делом. В вопросе новаций и инноваций речи важна выработка критериев и объективных параметров оценки. Без них проблема может скатываться к произвольным решениям, что сейчас иногда наблюдается в научно-педагогическом перформансе. Главным критерием должна являться **лингвистическая потребность**. В случае действительной инновации она должна быть широкой и общей. «Для того чтобы лингвистическая потребность стала всеобщей, она должна проявляться во всех сферах и разделах языка», – характеризовал ситуацию представитель женевской школы А.Фрей. В качестве презентативных сфер и разделов коммуникативной реальности назовем письменный и устный язык, книжный и разговорный язык. Например, некий факт имеет лишь современное газетное бытование, но это не являет заведомо его общеязыковую принадлежность. Потребность носит как содержательный, так и формальный характер. Соблюдение этих полей речевой оценки очень важно, в то время как создаются некоторые трудности и недостатки обработки и осмысления новейшего речевого материала, в частности, в лексикографической практике современности, см. (Дымарский, 2004), (Шапошников, 2006). Проблема отчасти дополняется образовавшейся электронной сферой коммуникации.

Языковые изменения сопровождаются фактом и фактором массовости. Он важен, однако не должен трактоваться как механический показатель речевых фактов. Следует видеть его факторы, главными из которых являются пространственный масштаб и общественный масштаб. Вместе с тем массовость нельзя сводить лишь к какой-то нелитературной форме языка и к низкому стилю коммуникации. И именно в этом смысле неконструктивно лобовое противопоставление литературному языку просторечия etc, ибо повседневный язык ближе к письменному языку, чем к жаргонам, а письменный язык не далее отстоит от повседневного, чем от языка художественной литературы (при всех метаморфозах последнего).

Всеобщие потребности, основанные на функционировании, проявляются на всех уровнях языка, на всех ярусах механизма общения: фонетики, морфологии и синтаксиса, лексики и семантики. (Это утверждение справедливо для всех периодов социальных тенденций языка в аспекте проблемы «язык и общество, язык и социальная структура» и социальной роли литературного языка в частности.) Для того, чтобы лингвистическая

потребность стала всеобщей, она должна проявляться во всех фундаментальных разделах языка, начиная с базовых и конструктивных осей его существования и функционирования. Они по-разному определялись в науке, но здесь не место останавливаться на их теоретическом определении. Подчеркнем только, что важны ассоциативные и синтагматические связи как их определял Ф. Соссюр; парадигматические связи как их затем определяли в нашей отечественной традиции, во всем их объеме, и синтагматические характеристики элементов; это конститутивная триада 'синтагматика – парадигматика – иерархика' (Солнцев и др. 1979). Это и выделенные не вполне ясно, но отмеченные А. Фреем «отношения памяти, заключенные в рамки заданных элементов речевой цепочки и элементов памяти, и отношения дискурсные, которые поддерживают элементы, связанные по ходу речи» (ученый полагал, что это менее точно определено Ф. де Соссюром как различия между отношениями ассоциативными или синтагматическими). Все это и подобное суть оси возможного проявления лингвистической потребности.

Лингвистическая новация поддерживается или не поддерживается языковыми законами и базовыми тенденциями языка: законом экономии, ясностью, дифференциацией и точностью в выполнении коммуникативной функции, экспрессивностью. Два проявления потребности в экономии представляют краткость и неизменяемость, в зависимости от того, где она реализуется, в речи или в памяти. Существует также «инстинктивное стремление к аналогии, которое является фактом памяти (ассимиляция, относящаяся к памяти) и имеет свое выражение в речи – дискурсную ассимиляцию», – которую А. Фрей называл конформизмом. Он отмечал, что «это стремление к аналогии требует, чтобы последовательно расположенные в речевой цепи элементы адаптировались друг к другу и вследствие этого один брал бы на себя функции другого». Аналогическое стремление может проявляться, например, в согласовании времен, реализации некоторых других грамматических категорий.

Существенную черту языкового развития и основу языковых изменений составляют базовые культурные тенденции, такие важные тенденции как футуризация и архаизация, отмеченные историком-типологом А. Тойнби в современной цивилизации. Футуризация – это устремленность в будущее, тогда как архаизация есть сосредоточенная обращенность к прошлому опыту. В современном русском языке происходит, с одной стороны, освоение нового опыта в материале всех уровней языка, но более всего в лексике, а с другой стороны, есть определенные явления возвращения старого материала лексики и семантики.

Таким образом лингвистическая инновация должна проявляться если не на всех, то на многих, на убедительных и

существенных участках языка. Конкретно, это предметно-понятийные связи, отношения синонимии и антонимии, многозначность и омонимия, иерархические связи знаков, связи каузальности и конверсии, другие важные показатели языковой системы и речевой коммуникации.

Возможно также, что то или иное новообразование вводится преднамеренно, по желанию той или иной языковой группы, но последствия, к которым это ведет, либо выходят за рамки намерений, либо с ними расходятся. Возьмем следующий факт: неологизм, который вводится в язык либо в силу технических потребностей, либо модой. Что происходит далее? Слово никогда не существует изолированно и самостоятельно, а потому новое слово должно столкнуться с созвучиями, с синонимами и антонимами, семантическими полями, системой грамматических категорий и частей речи и др. Новообразование их до известной степени изменит – или не изменит при его отторжении языковым пространством. А изменения, новообразование само так или иначе меняется в своей форме и содержании.

Инновация и потребность в ней может подсказываться еще одним конструктивным фактором, на который одним из первых обратил внимание Ш. Балли. Если быть точным, это фактор аконструктивный и асистемный: существуют **лакуны** в языковой системе, в том числе лакуны в литературном языке на фоне потребностей мышления, сознания и речевого выражения, социального опыта и предметно-понятийной практики. Потребность может опережать и опережает норму. Имеющиеся лакуны закрываются словообразовательными и семантическими новообразованиями, недостаточность способа выражения в литературном языке закрывается и материалом из других сфер национального языка.

Из всех отмеченных векторов складывается картина языкового состояния и языкового изменения, новаций и инноваций. Их совокупной картиной определяется судьба речевых новаций: иностранных заимствований, просторечных элементов, сленга, аргоса – на всех уровнях языка. Так менялось произношение новых иностранных слов в русском языке, например: от дворянско-интеллигентского произношения [тэлэфон] и подобных новых слов в начале XX века, новационных произношений типа [крэм] в середине XX века к современному их смягченному произношению. Но этим же, а также содержательной причиной обусловилось твердое произношение первого согласного, например, в иностранном слове «отель», ибо мягкое произношение ассоциировало бы данное слово с определенным смысловым гнездом исконной сельскохозяйственной лексики, то есть уводило бы от заданного семантического поля. Произносительные процессы в области твердости-мягкости согласных, в частности, иностранных слов, происходят на

современном этапе языка и культуры, имея как общезыковой, так и групповой и микрогрупповой характер.

Таковые процессы происходят и в грамматике. Например, для названия одной части железнодорожного пути когда-то взята форма множественного числа иностранного слова «рельс» и в свою очередь образовано множественное число «рельсы», так как точное перенятие возможного от-английского слова в форме единственного числа наталкивалось бы на другой факт: исконно существовавший звукокомплекс «рель» исторически был закреплен за русским (древнерусским) ландшафтным термином. Но ср. современные немалочисленные заимствования существительных в форме иностранного множественного числа и образование от нее русской формы множественного числа. Из них, пожалуй, только просторечное слово «бакс / баксы» обусловлено подобной причиной возможного совпадения с уже существовавшим в русском языке словом, в остальных же случаях заимствуется готовая форма множественного числа иностранного слова.

На уровне лексики подобным определилась современная быстрая укорененность новых слов типа «факс» в русском языке, ибо невозможно столь кратко и точно назвать появившийся способ связи, так что даже лингвистическое экспериментирование не дало исконной лексической альтернативы. Так же определилось в языковой системе место результатов субстантивирования типа «мобильный» или дериватов типа «мобильник» и «бюджетник». Но этим же определяется место иностранных слов наподобие «минимизировать», которое при имеющихся вполне достаточных ресурсах русского языка на этом участке выступает средством корпоративной стилистики, а не общей лингвистической потребности, выступая средством неточности и камуфлирования содержания (за исключением некоторых сугубо технических контекстов) и являясь в основном принадлежностью чиновничье-административных речений. То же самое относится к однопорядковому с ним слову «лонгировать» вместе с появившимся в тех же узких кругах совершенным видом «пролонгировать». Такими причинами обуславливается статус редкого слова, агнонима у единиц типа «франдрайзинг» (спонсирование в области детских учреждений) в современной речи. С другой стороны, происходят такие процессы, как современная замена когда-то пришедшего иностранного и ставшего широко распространенным в русском языке слова «шофер» на исконное «водитель» (с детализациями просторечного типа: дальнобойщик).

Не меньшее количество новаций отмечается и большое количество инноваций происходит на уровне семантики, при изменениях содержания слов. Ср. в современной практике употребления содержание слов: *авторизованный, аграрий, адекватный, не/адекватно, альтернатива,*

амбиция/ амбиции, ангажированный, внятный и др. Они также поверяются лингвистической потребностью.

Общей лингвистической потребностью поверяются и конкретные сферы деятельности, такие как переводческая и ее менее глубокий режим, при котором многие слова вносятся в контекст русского языка без перевода. Данным путем переводческая деятельность становится буквальной, а ориентируется на групповой запрос и вливается в процесс лексической варваризации, как он трактуется лингвистичеки, и в процесс языковой пиджинизации.

Этим же определяется судьба нелитературного материала по отношению к общепнародной коммуникации и возможных межстратовых перемещений знаков. Ср. с одной стороны газетную и разговорную новацию конца XX в. «беспредел», явившуюся из уголовного арго и отражавшую общественную обстановку, новацию начала XXI в. «по-любому» и с другой стороны, речевых фактов типа «в легкую» и «легко» в их сленговых значениях.

С противоположной стороны, лингвистические потребности же обуславливают процессы архаизации языковых фактов и их устранения, исчезновения: ныне эти процессы активны.

Лингвокультурные тенденции пересекаются. Так тенденции футуризации и архаизации проявляются в одном и том же языковом изменении. Например, в современной русской речи изменилось употребление прилагательного «успешный». Кроме обычных употреблений «успешная работа» и т.п. появились: *успешный* политик, художник. Подобные семантические изменения соответствуют с одной стороны, иностранному словоупотреблению (англ. *successful* businesswoman), а с другой стороны, соответствуют исконному русскому словоупотреблению, ставшему когда-то устаревшим (успешный конокрад). Ср. также изменения употребления слов «стабильный», «серийный», «эффективный» и нек. др. в современной русской речи. Но и эти корреляции сами по себе являются внешними, ибо здесь проявляется лексико-семантическая универсалия, субъектно-объектные преобразования семантики, составляющая основу языкового развития в разных языках, см. (Шапошников, 2005).

Линии лингвистической потребности действуют не только согласованно, но и противоречиво. Существенна тенденция к экспрессии и экспрессивности, которая являет себя формально и содержательно: на известной содержательной ступени она входит в противоречие с базовым для языка требованием ясности и точности и с самой потребностью в успешной реализации фундаментальной функции общения. Данное соотношение является естественным мериллом к проникновению в

литературный язык просторечия, к проникновению в общенациональную коммуникацию элементов жаргонов, уголовного аргю с присущей им по природе аморфностью содержания и повышенной текучестью материала. Тенденция речевой экономии также поверяется требованиями ясности и параметрами точности выражения. В коммуникативной современности возникают двусмысленные и даже анекдотические ситуации эллиптирования (как-то, торопливые типажные речения в р-не пл. Ильича г. Москвы: Я на серпе! – имея в виду сообщение «Я (нахожусь) на / около станции «Серп и молот»»). Коренная суть дела состоит не столько в том, замечают или не замечают артефакты (анти)эстетики и смысла участники такого вида коммуникации и в целом насколько сильно привязана к ситуации такая коммуникация, сколько в ее системных и типовых показателях, точности и выразительности таковой коммуникации и, еще более, в системных и типовых показателях языка.

Картина языковых изменений и лингвистических потребностей осложняется феноменом моды, тяготением к тем или иные выражениям. Так у нас появились в обиходе новой экономики новые слова: «прайслист» при имевшихся в обиходе соответствующих словах как исконных, так и заимствованных, при этом нет очевидного преимущества новомодного слова над существовавшими в языке. Нет, кроме экспрессии особого рода, однако экспрессия быстро устареваает. Наоборот, ушло из обихода, в том числе из обихода бизнеса широко употреблявшееся слово «прейскурант». Речевая мода связана с некоторыми действительными тенденциями языка, однако эти связи могут становиться весьма опосредованными, а мода же скоротечна, как всякая мода.

Проблема новаций и инноваций соприкасается с проблемой ошибки. Так, типовая беда современной отечественной прессы, массовой коммуникации состоит в том, что она плохо справляется с употреблением паронимов, то есть часто их не различает. Такое неразличение делает речь неточной. Порою новация возникает из ошибки и укореняется, однако вовсе не обязательно возникновение факта языка из ошибки.

Новационный поток и инновационный материал создают большую трудность для современной лексикографии. В настоящее время наблюдаются среди существующих и такие словарные издания, которые или изначально устаревали своими материалами в силу игнорирования существенной части действительных изменений, либо весьма быстро устаревающие, поскольку они строились на неотрефлексированном, не вполне обработанном, проходном, метеорном материале словесности, который не стал принадлежностью системы языка и коммуникативного пространства языка.

Проблема речевых новаций и инноваций побуждает к выстраиванию современных позиций в преподавании. Образование в принципе заставляет

обращаться к прошлому языка в большей степени, чем к его современному состоянию и к его будущему этапу. Современное состояние языка – это его повседневное функционирование, функционирование непрерывное, функционирование в разнообразнейших сферах и ситуациях. Тут необходима какая-то сдерживающая сила, какой-то регулятор, ибо слишком быстрое изменение языка как средства общения народа, каковым он в первую очередь и является, представляет возможную опасность для данного языкового сообщества. Поэтому преподавание родного языка опирается прежде всего на прошлое и прошлое берется за образец. Ш. Балли объяснял дидактический факт обращения к прошлому языка стремлением сдерживать тенденцию обновить язык, беспредельное развитие которой может привести к тому, что от поколения к поколению язык будет меняться до неузнаваемости. Данная мысль справедлива и всегда современна, однако следует уточнить, что обращение к прошлому языка ставит целью и отыскание и использование эталонов выразительности, точности и емкости, и это тем более относится к ситуации русского языка, на котором создана величайшая из литератур. Требования чистоты языка, забота о хорошем слоге в письменной и устной речи порождены, в сущности, тем же социолингвистическим обстоятельством: все, что преподносится под высоким именем искусства хорошего слога, эталонов ораторского искусства преследует большую цель – дисциплинировать говорящего, как-то задержать волну неологизмов и прочих нововведений, которая захлестывает язык. Преподавание иностранного языка не представляет ситуацию, аналогичную родному языку, однако современные методики иностранного языка ориентируются на родной язык как систему знаков и структуру культуры. Проблема новаций и инноваций имеет типовое методологическое разрешение.

Выводы

Лингвистическая потребность составляет смысл существования языка, посредством воздействий на него и путем взаимных противодействий фундируя и непрерывно пересоздавая язык. Важно и необходимо их корректное определение, установление и выявление. Лингвистическая потребность должна быть всеобщей для инновации как таковой и в ее отношении к норме. Их анализ побуждает к дальнейшим вопросам о том, как появляются лингвистические потребности, как они меняются от эпохи к эпохе, как могут варьировать от языка к языку и некоторым другим вопросам лингвистики и компаративистики. Всеобщая лингвистическая потребность согласуется с основными законами языка и базовыми тенденциями языкового механизма. Лингвистическая потребность определяется и лакунами языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Балли, Ш. 2001. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Рус. пер. Изд. 2-е стереотипное. – Москва.
- Балли, Ш. 2001. *Французская стилистика*. Рус. пер. Изд. 2-е стереотипное. – Москва.
- Бубенникова, О. А. 2003. *Английский язык в современной Англии: о некоторых перспективах развития* // Теория, история, типология языков. Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. В.1. – Москва.
- Виноградов, В. В. 1977. *Избранные труды: Лексикология и лексикография*. – Москва.
- Гофманова, Я., Мюллерова, О. 1994. *О смешении литературных и нелитературных компонентов в устных высказываниях на чешском языке* // Язык. Этнос. Культура. – Москва.
- Дымарский, М. Я. 2004. *Словарь как орудие манипуляции общественным сознанием* // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докл. междунаро. конфер. 6 Шмелевские чтения. – Москва.
- Сеше, А. 2003. *Очерк логической структуры предложения*. Рус. пер. – Москва.
- Скворцов, Л. И. 2006. *Большой толковый словарь правильной русской речи*. – Москва. – Санкт-Петербург.
- Солнцев, В. М. 1978. *Язык как системно-структурное образование*. – Москва.
- Фрей, А. 2006. *Грамматика ошибок*. Рус. пер. – Москва.
- Шапошников, В. Н. 1998. *Иностранные слова в современной российской жизни* // Русская речь.
- Шапошников, В. Н. 2005. *Семантика слова: субъектно-объектные корреляции в современном русском языке* // Лингвистическая герменевтика. 1. – Москва.
- Шапошников, В. Н. 2006. *Русская речь 1990-х*. Современная Россия в языковом отображении. Изд. 2-е испр. и доп. – Москва.

New Developments in Speech in the Context of the Literary Language and Literary Norm

The article deals with speech dynamics, causes and factors of modern linguistic changes and language development. Modern Russian language, modern speech in the context of literary standard as well as linguistic necessity are considered. Linguistic necessity is defined as the main phenomenon of language existence and language evolution. In the case of real innovation linguistic necessity should be extensive and general. Linguistic necessities interact with each other. Structural and semantic indications of speech changes are presented as well. They condition and characterize communicative and systematic character of changes. Comparative characteristics of active processes in Modern Russian language are described.

Key words: *speech innovations, language innovations, literary language norm, innovation criteria, linguistic necessity, language development.*